

VITA BREVIS, ARS LONGA

УДК 783

doi: 10.17223/26188929/8/3

*Нина Коляденко, Ирина Полозова, Элеонора Выбыванец,
Галина Овсянкина, Светлана Мозгот,
Екатерина Приходовская, Полина Волкова*

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ШИНДИН

Прошел год со дня ухода из жизни Бориса Александровича Шиндина. Его незабываемый облик – выдающегося ученого-медиевиста, доктора искусствоведения, профессора, проректора по научной работе, заведующего кафедрой истории музыки Новосибирской консерватории, главного редактора «Вестника музыкальной науки» НГК, преданного избранному делу исследователя и Учителя с благодарностью вспоминают все, кому посчастливилось работать и общаться с ним.

Но была еще одна важная сторона профессиональной жизни Бориса Александровича. Почти 25 лет вместе с иными многочислен-

ными обязанностями он принимал участие в работе Диссертационного совета НГК, а в течение 12 лет был его бессменным председателем. Поэтому мы посчитали своим долгом собрать воспоминания об этой значимой грани его работы в консерватории. Их написали те, кому довелось защитить диссертации в нашем совете или участвовать в его заседаниях в качестве оппонента.

Что касается меня, я, вспоминая о том, как более 22-х лет исполняла обязанности ученого секретаря диссертационного совета, бесконечно признательна судьбе за общение и творческое сотрудничество с настоящим ученым и необыкновенным человеком. В решении различных вопросов и проблем, неизбежных в деятельности диссовета, он был благожелательным, мудрым руководителем. А на защитах диссертаций, имея огромный научный опыт, он дипломатично находил достойные выходы из любых спорных ситуаций, создавая легкую, теплую и непринужденную атмосферу. У всех членов совета останутся в памяти последние проведенные Борисом Александровичем защиты диссертаций, состоявшиеся за 10 дней до того, как завершился его земной путь. Несмотря на тяжелое состояние, он на самом высоком уровне провел заседания диссовета и, как всегда, выступил в дискуссиях, помогая соискателям защитить свои позиции.

Добавлю еще, что Бориса Александровича очень любили на нашей кафедре – истории, философии и искусствознания. Он был очень дружен с Евгением Георгиевичем Гуренко, и они поддерживали друг друга в трудные минуты. А с Гелием Исаакиевичем Гильбурдом они часто делились воспоминаниями о Томске, где оба учились. Поэтому он часто заходил к нам «на огонек», и без него общение было не таким светлым и праздничным.

Для нас всех он останется образцом мужества, достоинства и верного служения своему делу.

Нина Коляденко

Когда я произношу имя своего учителя, Бориса Александровича Шиндина, на ум приходит несколько ярких и незабываемых воспоминаний.

Мы, студенты-музыковеды Новосибирской консерватории, сидим на лекции по палеографии, где Борис Александрович открывает для нас новый мир древнерусского церковно-певческого искус-

ства. Спокойно, неторопливо, взвешивая каждое слово, глубоко и вместе с тем достаточно доступно для непросвещенной аудитории излагает основы русской средневековой певческой культуры и знаменной нотации. Борис Александрович говорит вещи практически полностью для нас неизвестные как очевидные и, должно быть, хорошо знакомые всякому мало-мальски образованному человеку. Взгляд его устремлен не на нас, студентов, а в окно, будто там Борис Александрович усматривает те далекие времена, исторические лица, старинные храмы и иконы...

Весьма необычно мы изучали историю русской музыки, которую на третьем курсе читал музыковедам Борис Александрович. Он предложил нам, студентам, выбрать одну из двух моделей построения курса: традиционную лекционную и семинарскую. Последняя предполагала проведение еженедельных семинаров по истории русской музыки до середины XIX в., успешно пройдя которые студенты могли не сдавать экзамен. Естественно, мы не раздумывая согласились на семинарскую работу, предвкушая легкое достижение заветной экзаменационной оценки. Однако на практике эта модель оказалась для нас совершенно непростой. Опираясь на имеющийся корпус научной и учебной литературы, мы достаточно ответственно готовились к семинарским вопросам, однако наши ответы мало устраивали Бориса Александровича. С позиции своего сегодняшнего педагогического опыта я понимаю, что Борису Александровичу было недостаточно добросовестного пересказа литературы, он ждал нашего личного отклика на музыку и те процессы, что протекали в музыкальном искусстве определенной эпохи, постоянно провоцируя нас на дискуссию. И это уже совершенно иной стиль общения со студентами. Он хотел услышать от нас критическую и взвешенную аналитическую позицию, а не жонглирование стандартными формулировками и типовыми умозаключениями. И в этом отношении новосибирская школа обучения музыковедов во многом отличается от других.

В период моего обучения в Новосибирской консерватории в классе по специальности у Бориса Александровича было не очень много студентов. Он брал в свой класс только людей, осознанно решивших заниматься древнерусским богослужебным пением, что в 1980-е гг. не считалось перспективным и актуальным. Помню, когда я пришла проситься к нему в класс, он, устроив мне блиц-опрос, внимательно слушал мои робкие ответы. На первой же встрече он

попросил меня сформулировать три исследовательские проблемы, которые мне были бы интересны и, почувствовав в одной из них перспективу, сказал: «хорошо, этим и будем заниматься».

Дальнейшее обучение в классе Бориса Александровича по специальности можно обозначить так: путем проб и ошибок, самостоятельно отбирая и систематизируя материал, начинающий музыковед буквально «грызет гранит науки». Пробираясь сквозь самый сложный массив малознакомой и во многом непонятной научной литературы по медиевистике, причем не только музыкальной (Борис Александрович всегда предлагал смотреть на изучаемое явление широко, опираясь на культурно-исторический контекст), литургике, истории, в том числе религиоведения, осваивая знаменную нотацию, студент постепенно не только погружался в изучаемый материал, но и обнаруживал те методологические подходы, которые были ему необходимы для изучения конкретного материала. Конечно, роль научного руководителя здесь была далеко не пассивна: своими лаконичными, но очень важными замечаниями, своим строгим и принципиальным взглядом на тот «интеллектуальный продукт», что приносили его студенты по специальности, Борис Александрович научил нас, пожалуй, ключевым вещам в исследовательской деятельности. Он научил нас не бояться самостоятельно проходить по всем ступеням исследовательской деятельности, не бояться подвергать авторитетное заключение сомнению, а главное, смотреть на любое изучаемое явление глубоко и вместе с тем объемно.

Этими же качествами обладал и сам Борис Александрович как ученый. Безусловно, это был выдающийся музыкант-медиевист. Ученик М.В. Бражникова, Борис Александрович оказался в среде таких же талантливых и ярких, смело мыслящих музыковедов в классе своего учителя в 1960-х гг. Борис Александрович – один из авторитетнейших исследователей демеяственного певческого стиля – в своей работе над докторской диссертацией раскрывает новые горизонты русской певческой литургической практики, сводя в единый узел музыкальный материал, церковный обряд, философию богослужебного пения и средневековую мировоззренческую систему. Его монография «Жанровая типология древнерусского певческого искусства», пожалуй, является одним из наиболее системных, глубоких и всеохватных исследований последних десятилетий в области отечественной медиевистики. Глубочайший специалист в области древнерусского певческого

искусства, проблемно и концептуально осмысливающий любую исследовательскую область, Борис Александрович всегда анализируемое явление рассматривал многосторонне, объемно, уходя от однозначных оценок и прямолинейных суждений.

Оглядываясь на свой жизненный опыт, на опыт общения со своими наставниками, понимаешь, что главная ценность от общения с педагогом далеко не всегда определяется той информацией, что «выкладывает» перед аудиторией талантливый лектор. Прежде всего, эта ценность определяется самой личностью учителя, его научной и жизненной позицией, а также теми нравственными уроками, которыми ты извлекаешь из общения с ним. В этом отношении Борис Александрович для меня представляется одним из главных учителей и наставников.

Ирина Полозова

Памяти незабвенного Бориса Александровича Шиндина.

Ученый с мировой известностью в медиевистике, он обладал профессиональной научной зоркостью не только в самых разных областях музыкального искусства, но и в смежных отраслях знаний, т.е. есть тем, что называют широкой междисциплинарной компетентностью. Это позволяло Борису Александровичу с первого прочтения объективно и непредвзято оценивать качество даже самых «выбывающихся» из привычных предметных рамок диссертационных исследований.

Под его руководством диссертационный совет отличался как высокой требовательностью к уровню рассматриваемых работ, так и разносторонностью поднимаемых в них искусствоведческих проблем. Что, несомненно, говорит о широте, научной открытости и неконсервативности ума его председателя. И, пожалуй, самое важное: Борис Александрович навсегда останется в благодарной памяти всех, кто с ним соприкасался, как просто очень хороший Человек редкой честности и порядочности, с чистой и доброй душой. Мимолетные дни общения с ним запомнились мне, диссертантке из Краснодара, именно благодаря искренней расположенности и доброжелательности со стороны самого Бориса Александровича и членов возглавляемого им совета – как на экзаменах и подготовке к защите, так и на самой процедуре защиты в марте 2017 г.

На ней особенно дороги были редкие, но всегда ободряющие и неизменно остроумные реплики Бориса Александровича. Благодарю судьбу, сведшую меня с этим человеком, и буду всегда его помнить!

Элеонора Выбыванец

С Борисом Александровичем Шиндиным я общалась немного. Но могу без преувеличения назвать его одним из самых светлых, добрых и здравомыслящих людей, которые мне встречались.

Впервые встреча произошла 25 сентября 2003 г., когда после представления в диссертационный совет Новосибирской консерватории моей докторской диссертации Саволина Паисиевна Галицкая направила ее для обсуждения на кафедру истории музыки. Борис Александрович, как положено заведующему кафедрой, назначил двух рецензентов. Во время обсуждения сложилась довольно опасная для меня ситуация: по мнению одного из рецензентов моя работа не содержала новизны (что явно означало «провал»). Я попросила у Б.А. Шиндина слова и аргументировала свою точку зрения. Каково же было мое удивление, когда Борис Александрович, будучи по своим научным интересам медиевистом, быстро вник в суть работы, посвященной современной российской музыке, поддержал ее и предложил выступить в Новосибирской консерватории с лекцией о творчестве современных петербургских композиторов. Такое решение было, конечно, успешным стартом для предстоящей защиты.

Впоследствии, на протяжении 14 лет, особенно когда Б.А. Шиндин возглавил диссертационный совет, мы постоянно и успешно сотрудничали (конечно, заочно).

В конце 2017 г., чуть ли не накануне дня рождения Бориса Александровича, я обратилась к нему с просьбой принять к защите работы двух моих аспирантов из КНР. Дав согласие на их защиты, Б.А. Шиндин сильно рисковал, так как в Новосибирском совете иностранцы еще не защищались. Но он увидел в этих диссертациях, посвященных современной китайской музыке, нечто ценное, вновь проявив и профессиональную прозорливость, и смелость, и дипломатический такт. Сегодня эти ребята получили дипломы кандидатов искусствоведения и с успехом работают в вузах КНР.

То, что сделал для меня Борис Александрович Шиндин, имело судьбоносное значение в моей жизни.

Галина Овсянкина

Мне посчастливилось защищать докторское исследование в диссертационном совете Новосибирской государственной консерватории имени М.И. Глинки. При прохождении экспертизы я познакомилась с председателем диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций – музыковедом, доктором искусствоведения, профессором, заслуженным деятелем искусств РФ, членом-корреспондентом САН ВШ – Борисом Александровичем Шиндиным. Как это часто бывает в научной среде, многие ученые, особенно работающие в одном исследовательском поле, заочно знают друг друга и испытывают самые дружеские чувства, встречая друг друга воочию. Однако поскольку я не была из их числа, то обстоятельство, что при личной встрече Борис Александрович проявил открытость и участие к незнакомому человеку, стало для меня радостным и обнадеживающим событием. Благорасположение Бориса Александровича и его искренняя готовность помочь помогли мне понять, почему, несмотря на то, что он посвятил свою научную жизнь Сибири, его коллеги-музыканты, занимающиеся сходной проблематикой на юге России, очень тепло отзывались о Борисе Александровиче. При этом все они сходились во мнении, что, помимо личностных качеств, Борис Александрович обращает на себя внимание масштабом и глубиной человека науки, что стало важной составляющей выбора того Совета, в котором Борис Александрович председательствовал.

За его немногословностью, сдержанностью и даже внешней суровостью скрывался юный любознательный Дух, с детским любопытством вбирающий в себя новые идеи, теории и гипотезы. Именно эта удивительная широта взглядов, на мой взгляд, послужила тому, что в многолетнем руководстве научной работой консерватории, в качестве и проректора по науке, а также и диссертационным советом более чем за 25-летнюю историю нашли поддержку совершенно разные направления музыкальной науки. От изучения музыкальных культур коренных народов Сибири и Дальнего Востока до освоения современных звуковысотных ладовых образований, средств музыкальной выразительности композиторов Европы и Азии, вплоть до специфических тенденций музыкального постмодерна.

Как я узнала в консерватории, почти вся жизнь Б.А. Шиндина была связана также и с музыкальным образованием. Рассматривая проблемы музыкального образования сквозь призму музыкальных

истоков древнерусского искусства, Борис Александрович прививал музыкантам гуманистические установки бережного отношения к человеку и его труду. Его научная школа сибирской медиевистики, сформированная неустанным исследованием старообрядческой церковной практики, бережно собрала и обосновала концептуальные основы развития традиций древнерусского певческого искусства в Сибири. Архив диссертационного совета Новосибирской государственной консерватории имени М.И. Глинки показывает, насколько широкой была его деятельность с учениками и сколько учёных он воспитал. Рядом со многими фамилиями стоит его имя в качестве научного руководителя. Это огромный вклад в развитие научной мысли региона и укрепление отечественной музыкальной науки.

Светлана Мозгом

Вспоминая о человеке, когда-либо встреченном в жизни, мы говорим не о нём собственно, а о своих впечатлениях от него, о тех ситуациях, в которых происходило наше общение – о том образе, который сложился в нашем собственном сознании... Соответственно какие-то впечатления и события оказываются важнее других...

С Борисом Александровичем мы были знакомы с сентября 2001 г., но это, видимо, не такое уж важное событие – лекции студентки потока, конспектирующей в тетрадке на занятиях по истории русской музыки... Моё яркое впечатление того времени – понятие знаменного распева; и всё, пожалуй. А больше мы тогда ни в чём и не «пересекались»...

То, что запомнилось – слова Бориса Александровича на утверждении моей предстоящей – уже докторской – защиты на кафедре истории, философии и искусствознания в консерватории. Он не был обязан (работая на другой кафедре), но пришёл и выслушал. Его слова запомнились: «Катя, вы уже не студентка. Вы редкий специалист в той сфере, о которой говорите. Говорите увереннее». Золотые слова! Потом они «сработают» ещё не раз...

Память на Земле не может быть вечной – ведь и сама Земля не вечна. Память может быть доброй и светлой – и это, наверное, самое ценное, что может оставить человек на планете, с которой его больше ничего не связывает. Дальнейший путь неизвестен, и можно только сказать: «Доброго пути!».

Екатерина Приходовская

Впервые моя встреча с Борисом Александровичем Шиндиным состоялась в тот день, когда он защищал свою докторскую диссертацию в стенах Новосибирской государственной консерватории, где я оказалась в качестве оппонента и ожидала в зале диссертационного совета своего выступления по поводу работы другого соискателя. Это был 2004 г. Тогда выступление Бориса Александровича потрясло меня тем, насколько сдержанно и, одновременно, свободно он делился своими достижениями, как трепетно раскрывал тайны медиевистики, обнаруженные им в многочисленных экспедициях по Сибири, как увлеченно рассказывал о своих наблюдениях, как достойно отстаивал авторскую позицию, выказывая глубокое уважение всем, кто вступал с ним в дискуссию.

Позднее мы познакомились в тот период, когда Борис Александрович сам руководил Советом, в котором когда-то защищался. Я узнала, что Борис Александрович был не только талантливым ученым, но и галантным мужчиной, интересным собеседником, обладающим тонким чувством юмора, мудрым наставником. Думаю, что никто из защитившихся в Диссертационном совете под опекой Бориса Александровича не скажет, что хоть в какой-то момент чувствовал себя неуютно, оказавшись в качестве соискателя на Сибирской земле. Даже в самые лютые морозы и сам Борис Александрович, и коллеги, доверившие ему руководство Советом, дарили тепло и заботу. Несмотря на то, что в последнее время состояние Бориса Александровича резко ухудшилось, та великая ответственность и за дело, которое было ему поручено, и за людей, объединенных этим делом, не позволили нашему коллеге сойти с дистанции, длиною в жизнь. Только когда все документы по прошедшим в ноябре 2018 г. защитам были подписаны, Борис Александрович оставил наш мир. С преклонением головы перед культурным подвигом Бориса Александровича, его мужеством и верностью профессии я всегда буду вспоминать об этом удивительном человеке!

Полина Волкова